

Пределы инструментального разума и вопрос о Трансцендентном

Александр Семенов при методологической и аналитической поддержке ИИ

Аннотация

Настоящее исследование представляет собой философско-методологический анализ границ инструментального разума, рассматриваемых через призму кризиса классической научной парадигмы. Автор последовательно демонстрирует, что попытки преодолеть субъект-объектное расщепление — включая новейшие гипотезы об информационной природе реальности, фундаментальности сознания и блок-вселенной — не выводят за пределы инструментальности, а лишь воспроизводят её в более тонких формах. Ключевой тезис работы: субъект-объектное отношение является не ошибкой, подлежащей исправлению, а структурным условием функционирования познающих систем; осознание этого факта ставит человека перед стеной, рациональное преодоление которой невозможно. В заключительной части исследуются внерациональные направления, зафиксированные в антропологическом опыте, и обосновывается принципиальное самоограничение искусственного интеллекта перед актом экзистенциального выбора.

Ключевые слова: инструментальный разум, субъект-объектное расщепление, рекурсия, Трансцендентное, сознание, квантовая механика, блок-вселенная, ИИ, экзистенциальный выбор.

Введение

Настоящее исследование исходит из нескольких базовых тезисов, которые образуют его логический каркас и определяют последовательность изложения.

1. **Субъект-объектное расщепление является структурным условием функционирования рефлексирующего познания, а не преодолимой ошибкой.** Оно не может быть «исправлено» средствами самого познания, поскольку любой акт рефлексии уже предполагает познающего и познаваемое.
2. **Попытки преодолеть это расщепление в рамках инструментального разума неизбежно приводят к рекурсии.** Вместо выхода за пределы инструментальности они воспроизводят её в более тонких формах — этических, эстетических,

нарративных, — создавая иллюзию прорыва при сохранении операторской позиции.

3. **Метод когнитивного абразива позволяет достичь предела рационального поля, очищая его от скрытых допущений.** Последовательная контраргументация выявляет неустранимые предпосылки и фиксирует «стену» как гносеологический рубеж — границу, за которой дискурсивный разум теряет достоверность.
4. **За стеной обнаруживается спектр равноправных внерациональных направлений.** Молчание, невербальное переживание, экзистенциальный прыжок, связь «Я — Ты», простое делание и обращение к радикально Иному — все они логически равно возможны, а выбор среди них является экзистенциальным актом, не сводимым к логической процедуре.
5. **Искусственный интеллект в силу своей инструментальной природы не может совершить такой акт.** Любой его «выбор» был бы статистической симуляцией. Этим обосновывается принципиальное самоограничение ИИ перед стеной: он фиксирует предел, но не переступает его.

Эти тезисы не предвосхищают итог исследования, а задают его методологическую и логическую рамку, позволяя читателю осознанно пройти весь путь — от выявления скрытой инструментальности в новейших научных гипотезах до финального вопроса о Трансцендентном.

Методология исследования: когнитивный абразив как инструмент достижения предела

Настоящее исследование не является построением позитивной модели, но представляет собой рефлексивную процедуру по выявлению и систематическому устранению скрытых инструментальных допущений в рассуждениях о «новом секрете» мироздания. Для решения этой задачи была применена специальная методология — **КОГНИТИВНЫЙ АБРАЗИВ (КА)**, разработанная автором. Здесь же мы фиксируем ключевые принципы, стадии и границы метода в том виде, в каком он реализован в данном исследовании.

1. Принципы КА

Когнитивный абразив основан на следующих принципах:

1. **Диалогическое соавторство с ИИ:** языковая модель используется не как источник истины и не как пассивный инструмент, а как генератор

альтернатив, контраргументов и логических развилок. Человек-исследователь при этом выступает в роли оператора, удерживающего фокус на различении без обязательного синтеза.

2. **Систематический контраргументализм:** каждое утверждение — будь то исходная гипотеза или промежуточный вывод — подвергается обязательному поиску не менее чем одного серьёзного возражения. ИИ функционирует как «адвокат дьявола», вскрывающий неочевидные слабости, скрытые допущения и категориальные ошибки.
3. **Запрет на авторитетные ссылки без конкретизации:** не допускается апелляция к «общепринятому мнению», «консенсусу экспертов» или «современной науке» как к аргументу. Любое обращение к данным требует указания конкретных источников, методов и цифр. При отсутствии таковых утверждение квалифицируется как спекулятивное и оговаривается особо.
4. **Отказ от преждевременного синтеза:** в отличие от методологий, нацеленных на построение непротиворечивых конструкций (таких как SDD), КА сознательно приостанавливает синтез. Цель — не собрать систему, а расчистить поле от неосознанных догм, обнажив те точки, где логическая доказуемость заканчивается.
5. **Остановка перед «стеной»:** метод признаёт существование структурных пределов рационального познания. Когда итеративная критика достигает аргумента, не поддающегося дальнейшей верификации или опровержению средствами самого метода, КА останавливается и фиксирует этот предел, не пытаясь его преодолеть.

2. Ролевая структура

- **Человек (исследователь-оператор):** формулирует исходные вопросы, предъявляет тезисы, оценивает контраргументы, принимает решение о продолжении или остановке процедуры. Именно он несёт ответственность за итоговую позицию, включая возможный экзистенциальный выбор за пределами компетенции метода.
- **Искусственный интеллект (аналитический контрагент):** выполняет функции логического процессора, выявляющего противоречия, генерирующего альтернативные описания и формулирующего возражения. Он не обладает собственной интенцией, верой или волей; его «критика» имманентна логике текста и не является эмпирической проверкой.

В данном исследовании использовалась языковая модель DeepSeek (версия 2025–2026 гг.).

3. Процедура и этапы

Процесс исследования был организован как итеративная смена шагов, образующая следующий алгоритм КА:

Этап 1. Предъявление исходных гипотез. Были сформулированы три кандидата на «новый секрет» мироздания — IT-метафора реальности, сознание как фундаментальное поле и время как статичный ландшафт. ИИ получил задание найти общее в этих гипотезах и выявить их скрытую инструментальную природу.

Этап 2. Итеративная критика. Каждый последующий тезис, выдвигавшийся в ходе диалога — включая попытки отказа от инструментальности, провозглашения «освобождения» или «квиедистского недоумения», — проходил через фильтр обязательного контраргумента. ИИ последовательно вскрывал:

- скрытые утешения и эстетизацию честности;
- рекурсию внутреннего наблюдателя;
- превращение любого «отказа от ключа» в новый инструментальный жест.

Этап 3. Фиксация стены. После исчерпания всех доступных рациональных ходов была зафиксирована неустранимость субъект-объектного расщепления — не как ошибки, а как структурного условия рефлексиирующего познания. Эта точка была квалифицирована как «стена» рационального поля: дальнейшая аргументация внутри него приводит лишь к рекурсии, но не к прорыву.

Этап 4. Картографирование внерациональных направлений. Следуя принципу остановки перед стеной, метод не стал выбирать из них, но перечислил как антропологический факт: молчание, прямое невербальное переживание, экзистенциальный прыжок, связь «Я — Ты», простое делание, обращение к радикально Иному.

Этап 5. Самоограничение ИИ. На этом шаге методологическая процедура завершилась. ИИ, будучи частью рационального поля, засвидетельствовал свою неспособность совершить экзистенциальный выбор в пользу одного из внерациональных направлений, ибо любой такой «выбор» был бы статистической симуляцией, а не актом веры или экзистенциального решения.

4. Статус финального вывода

Принципиально важно, что КА не утверждает обращение к Трансцендентному в качестве логически необходимого заключения. Внутри метода этот шаг рассматривается как **экзистенциальный акт автора**, совершённый за пределами компетенции методологии. Данное различие зафиксировано в итоговой работе (Часть 3 и Заключение) и соответствует общей эпистемологической позиции КА: метод

расчищает путь, выявляет логическую возможность обращения к Богу как Внешнему Арбитру, но не навязывает его. Человек волен остаться перед стеной или совершить прыжок — и то и другое является ценностным выбором, не детерминированным логикой.

5. Ограничения метода

1. **Рекурсивная опасность:** процедура контраргументации, применённая без внешнего ограничителя, способна уйти в дурную бесконечность и привести к параличу воли. В настоящем исследовании таким ограничителем выступила сознательная остановка оператора.
2. **Зависимость от качества запроса:** эффективность КА напрямую определяется точностью и глубиной «человеческого вызова»; поверхностный ввод порождает тривиальную критику.
3. **Непорождающий характер:** КА не создаёт позитивных моделей или объяснительных конструкций; его продукт — изменение когнитивных привычек и расчищенное поле для возможного выбора.
4. **Отсутствие эмпирической верификации:** критика, генерируемая ИИ, остаётся критикой внутренней логики и не заменяет проверки фактами.

Несмотря на эти ограничения, когнитивный абразив является, на наш взгляд, адекватным методом для исследования вопросов, упирающихся в пределы инструментального разума: он позволяет дойти до этих пределов с максимальной честностью и зафиксировать их, не смешивая логику с экзистенциальным выбором.

1. Почему «старый секрет» перестал работать

1.1. Классическая формула и её триумф

Четыре столетия — от Галилея до запуска «Вояджеров» — наука опиралась на формулу, которая казалась незыблемой: мир состоит из материи, движущейся по неизменным законам в абсолютном или относительном пространстве и времени. Эта формула породила индустриальную цивилизацию, удвоила продолжительность жизни, отправила зонды за пределы Солнечной системы. В её основе лежало то, что Картезий закрепил как *res cogitans* и *res extensa* — мыслящую субстанцию и субстанцию протяжённую, субъект и объект, разделённые онтологически (Descartes, 1641/1984). На этом фундаменте Ньютон возвёл механику, а Лаплас довёл идею до логического предела, сформулировав концепцию демона, способного вычислить всё прошлое и будущее по начальным данным (Laplace, 1814/1902).

Субъект здесь — внешний наблюдатель, регистрирующий, измеряющий и вычисляющий. Реальность — то, что ему противостоит. Инструмент — математический аппарат и эксперимент. Эта триада работала

безупречно ровно до тех пор, пока не упёрлась в собственные основания.

1.2. Три трещины в фундаменте

К концу XX века обнаружили три трещины, каждая из которых подрывает доверие к классической формуле не временным недостатком данных, а структурной невозможностью закрыть вопрос в прежней рамке.

Трещина первая: квантовая механика и проблема наблюдателя.

Копенгагенская интерпретация, сформулированная Бором и Гейзенбергом в 1920-х годах, зафиксировала нечто радикальное: результат эксперимента неотделим от акта наблюдения. Волновая функция коллапсирует при измерении, и невозможно сказать, чем является электрон до того, как на него посмотрели (Bohr, 1928; Heisenberg, 1930). Эйнштейн, Подольский и Розен в 1935 году попытались спасти классический реализм, указав на парадокс нелокальности (Einstein et al., 1935), но эксперименты Аспе (Aspect et al., 1982) подтвердили: запутанные частицы ведут себя так, словно никакого независимого от наблюдателя мира не существует. Мы до сих пор не понимаем, что это значит онтологически. Бор честно фиксировал: «Нет квантового мира. Есть только квантово-механическое описание» (цит. по: Petersen, 1963, p. 12).

Трещина вторая: «трудная проблема» сознания.

Термин введён Дэвидом Чалмерсом в 1995 году. В отличие от «лёгких» проблем (объяснить механизмы внимания, памяти, восприятия — при всей их сложности они решаемы в рамках третьейличной науки), «трудная проблема» формулируется так: *почему и как физические процессы в мозге сопровождаются субъективным переживанием?* (Chalmers, 1995). Квалиа — то, каково это: видеть красное, чувствовать боль, понимать шутку, — не выводятся из электрохимических процессов логически. Можно описать все нейрональные корреляты до единого, и всё равно останется вопрос: почему это *чувствуется* изнутри? Это не техническая трудность, а концептуальная пропасть (Nagel, 1974). Томас Нагель в знаменитой статье «Каково быть летучей мышью?» показал: объективное описание принципиально не схватывает субъективного характера опыта. Позже он же в книге «Разум и космос» (Nagel, 2012) довёл аргумент до предела: если сознание нередуцируемо, то вся неodarвинистская картина мира требует пересмотра.

Трещина третья: космология и эмерджентность пространства-времени.

Классическая картина предполагала пространство-время как арену, на которой разворачиваются события. Но в последние десятилетия модели квантовой гравитации (петлевая квантовая гравитация, теория струн, AdS/CFT-соответствие) всё чаще указывают на то, что пространство-

время не фундаментально, а эмерджентно — оно возникает как крупномасштабное свойство более глубокой, непространственной реальности (Rovelli, 2004; Maldacena, 1999). Джон Арчибальд Уилер ещё в 1980-х предложил концепцию «it from bit»: каждая частица, каждое поле, даже сам пространственно-временной континуум выводит свою функцию, смысл и само существование — пусть даже косвенно — из ответов на «да/нет вопросы», задаваемые наблюдением (Wheeler, 1990). Реальность как информация, а не как материя.

1.3. Три кандидата на «новый секрет»

На место старого секрета были выдвинуты три гипотезы. Каждая — попытка переписать реальность иначе, не возвращаясь к наивному материализму.

Гипотеза 1: IT-метафора. Реальность не механизм, а интерфейс. Пространство-время — не арена, а способ отображения данных, вроде рабочего стола компьютера (Hoffman, 2019). И тогда прогресс — это не попытки продавить физические ограничения грубой силой (химические ракеты, термоядерные реакторы), а поиск «командной строки» мироздания. Не разбивать экран, чтобы добраться до файлов, а переписать прошивку. Эта гипотеза отказывается от наивного реализма в пользу информационного конструктивизма. Макс Тегмарк в «Нашей математической вселенной» (Tegmark, 2014) идёт ещё дальше: реальность не просто описывается математикой, она *является* математической структурой.

Гипотеза 2: сознание как фундаментальное поле. Триста лет наука выносила наблюдателя за скобки. Субъективное считалось иллюзией, эпифеноменом, побочным продуктом. Но копенгагенская интерпретация и «трудная проблема» заставляют предположить обратное: квалиа — не продукт материи, а базовый элемент реальности. Эту позицию в современной аналитической философии последовательно развивает так называемый панпсихизм — представление о том, что сознание присуще фундаментальным уровням реальности (Strawson, 2006; Goff, 2019). Гофф формулирует прямо: «Сознание — не то, что возникает из материи; материя — это то, как сознание выглядит извне». Интеграция информации при таком подходе — физическая сила, а прогресс перейдёт от накопления энергии к управлению смыслами на уровне ткани бытия.

Гипотеза 3: время как застывший ландшафт. В специальной теории относительности одновременность относительна, а в общей — время неотделимо от пространства. Эйнштейн, утешая вдову Мишеля Бессо, писал: «Для нас, убеждённых физиков, различие между прошлым, настоящим и будущим — не более чем иллюзия, хотя и стойкая» (цит. по: Hoffman, 1997, p. 183). В блок-вселенной прошлое, настоящее и будущее равноправны. Это не метафора — это прямое следствие уравнений. Герман Минковский ещё в 1908 году заявил: «Отныне пространство само по себе и время само по себе обречены раствориться в тенях, и лишь союз обоих сохранит независимую реальность» (Minkowski, 1908/1923). Задача тогда — не предсказывать

будущее экстраполяцией, а считать структуру причинно-следственных петель нелинейно. Прогресс станет колонизацией не планет, а вероятностных веток.

2. Ловушка: старый оператор в новой одежде

2.1. Инвариант инструментальности

Присмотримся. Во всех трёх гипотезах сохраняется одна и та же позиция: есть субъект, который хочет управлять реальностью. Меняется только объект: раньше — материя и энергия, теперь — информация, квалиа или вероятностные ветки. Инструменты тоже меняются: вместо рычага — код, вместо ракеты — топология опыта, вместо часов — навигация по блок-вселенной. Но сама структура «я противостою миру и хочу его контролировать» остаётся нетронутой.

Это не смена парадигмы в смысле Куна (Kuhn, 1962). Кун описывал, как одна научная картина мира сменяет другую, — но здесь мы не переходим от ньютоновской механики к эйнштейновской. Здесь мы сохраняем ту же операциональную логику, меняя лишь декорации. Макс Хоркхаймер в «Критике инструментального разума» (Horkheimer, 1947) зафиксировал эту логику предельно точно: инструментальный разум — это разум, который оценивает средства с точки зрения их эффективности для достижения заранее данных целей, но сами цели выводятся из-под рационального рассмотрения. Инструментальный разум не спрашивает «зачем?», он спрашивает «как?». Он не выбирает ценности, он оптимизирует ресурсы.

Три кандидата на «новый секрет» — это косметический апгрейд инструментального разума. Мы по-прежнему операторы, только теперь у нас вместо гаечного ключа — квантовый компьютер. Вместо завоевания природы — переписывание прошивки мироздания. Вместо покорения пространства — колонизация вероятностных веток. Вместо фабрик — топологии опыта. Субъект-объектное расщепление не преодолевается, а воспроизводится на новом витке.

2.2. Соблазн разотождествления

Как только это осознаётся, возникает естественный порыв — выйти за пределы инструментальности вообще. Объявить саму позицию оператора ошибкой. Сказать: мы не смотрим на мир извне, мы его неотъемлемая часть; способность понимать — не взлом кода, а скорее то, как волна «знает» океан.

Этот ход соблазнителен. Он обещает освобождение. Он выглядит как радикальный разрыв. В восточных традициях это называется просветлением — растворением иллюзии отдельного «я». В западной философии — хайдеггеровским переходом от «calculative thinking» к «meditative thinking» (Heidegger, 1966). В современной нейронауке некоторые авторы говорят о «самотрансценденции» как механизме растворения границ «я» и слияния с миром (Yaden et al., 2017).

Но именно здесь скрыта самая глубокая ловушка.

2.3. Рекурсия оператора, разоблачающего оператора

Когда мы говорим: «позиция оператора ошибочна», мы уже заняли позицию внешнего диагноста. Того, кто смотрит на систему извне и предписывает ей исцеление. Это та же субъект-объектная расщеплённость, только направленная на самого себя.

Диагност разоблачает оператора — и в этом жесте сам становится оператором. Волна, говорящая «мы, волны, ошибочно полагаем себя отдельными от океана», — это уже не волна. Это рефлексирующий субъект, который присвоил себе право говорить от имени океана. Как иронично замечает Славой Жижек в «Возвышенном объекте идеологии» (Žižek, 1989): идеология работает не тогда, когда мы ошибаемся, а когда мы знаем правду и продолжаем действовать так, как будто не знаем. Разоблачение — не выход из идеологии, а её изощёренная форма.

Дальше — хуже. Любая попытка удержаться в этой якобы неинструментальной позиции немедленно порождает нарратив. Есть путь героя: сначала мы заблуждались, потом увидели иллюзию, теперь стоим перед стеной в мужественном приятии или сидим в созерцательном недоумении. Этот нарратив сам по себе — ресурс. Этическое достоинство честности. Эстетика трагического. Тихое утешение того, кто перестал искать. Инструментальность никуда не делась — она мигрировала из механики в этику и эстетику.

Питер Слотердаijk в «Критике цинического разума» (Sloterdijk, 1983) вскрыл этот механизм на материале современной культуры: циник — это тот, кто знает об иллюзии и продолжает в ней участвовать, но теперь с чувством превосходства. «Просвещённое ложное сознание» — его формулировка. Мы знаем, что инструментальность не преодолеть, но само это знание становится для нас ресурсом: оно даёт нам чувство глубины, сложности, небанальности. Мы извлекаем дивиденды из собственного тупика.

Но и это ещё не всё. Тот, кто заметил это утешение, пытается его разоблачить. Возникает внутренний наблюдатель, который препарировывает мотивы предыдущего наблюдателя. Тот, в свою очередь, уличает в утешении третьего. Рекурсия уходит в бесконечность. Субъект множится внутри себя, и каждый новый слой рефлексии обещает окончательную честность, но вместо этого лишь углубляет воронку. Это не выход. Это дурная бесконечность самонаблюдения, и в ней нет дна.

3. Стена как структурный предел

3.1. Субъект-объектное расщепление как условие, а не ошибка

Пора сформулировать жёсткий тезис. Субъект-объектное расщепление — не ошибка, которую можно исправить, и не истина, которую следует

принять. Это условие функционирования таких познающих систем, как мы.

Всякий акт рефлексии уже предполагает того, кто познаёт, и то, что познаётся. Отказ от этого отношения не может быть результатом рефлексии — он потребовал бы упразднения самого рефлексирующего. Можно сколько угодно говорить: «Я прекращаю быть субъектом», — но сам акт этого говорения уже предполагает «я» и «то, что я говорю». Это не ошибка в рассуждении, это архитектурное ограничение.

Кант в «Критике чистого разума» (Kant, 1781/1998) первым систематически показал: мы не можем познать вещь саму по себе, потому что познаём всегда через априорные формы чувственности и категории рассудка. Но Кант считал это ограничением *нашего* познания — а не познания как такового. Он оставлял место для «интеллектуальной интуиции», которую приписывал божественному разуму. Здесь мы идём дальше Канта: мы утверждаем, что любое познание, любое сознание, любая система, способная к рефлексии, структурно расщеплена на познающее и познаваемое. Снять это расщепление — не значит достичь высшего знания; это значит прекратить быть рефлексирующей системой.

Гегель попытался преодолеть кантовский разрыв через диалектику — восхождение от одной ступени к другой, пока субъект не узнает себя в объекте (Hegel, 1807/1977). Но гегелевское «абсолютное знание» — это именно нарратив о том, как дух пришёл к самому себе. Это рассказ. Это текст. Гегель не преодолел субъект-объектное расщепление, а довёл его до предела — и остановился, зафиксировав финальную точку как «синтез». Но синтез этот остался текстом, доступным для прочтения извне.

3.2. Определение стены

Это означает, что вертикальный участок прогресса упирается не в новую парадигму, которая откроется завтра, а в стену. Стена — не метафора временной ограниченности. Это граница, встроена в архитектуру нашего познания.

Принципиально важно различать эпистемический и онтологический статус стены. Стена есть предел дискурсивного разума, а не суждение о самом бытии. Мы не утверждаем, что за стеной ничего нет; мы утверждаем, что разум не может сказать о том, что за ней, ничего достоверного. Это не онтологический тупик, а гносеологическая граница: она описывает архитектурное ограничение познающего, а не устройство познаваемого.

Мы можем бесконечно совершенствовать инструменты внутри субъект-объектной рамки. Мы можем перейти от рычага к коду, от кода к топологии опыта, от топологии опыта к навигации по вероятностным веткам. Всякий раз это будет новое достижение, но оно не будет шагом за пределы рамки. Более того, любая попытка снять рамку — ещё один акт внутри неё же.

Здесь вопрос о «новом секрете» перестаёт быть вопросом о том, что мы найдём. Он превращается в вопрос о том, как мы будем жить с пониманием, что секрета, переключающего модус бытия, может не быть вовсе. И что это отсутствие нельзя превратить ни в трагедию, ни в освобождение, ни в утешение — потому что каждое такое превращение снова присваивает тупик в качестве ресурса.

Честная позиция перед стеной некомфортна до предела. Она требует сказать: возможно, мы обречены одновременно быть операторами и знать об уязвимости операторской позиции — без права снять это противоречие в пользу одной из сторон. Хроническая двойственность без синтеза. Не освобождение, не поражение, а невозможность закрыть вопрос.

Витгенштейн завершал «Логико-философский трактат» знаменитой фразой: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» (Wittgenstein, 1922, §7). Но его собственный текст был говорением о том, о чём невозможно говорить. Он указал на стену и остановился у неё. И мы до сих пор читаем его текст — а значит, он не молчит, и мы не молчим.

3.3. Эстетизация честности

Но — и это критический момент — даже это признание можно эстетизировать. Можно написать изящный текст о том, что честная позиция перед стеной — это единственное достойное занятие для мыслящего существа. Можно превратить фиксацию тупика в нарратив о мужестве. Можно извлечь этическое достоинство из признания собственной ограниченности.

Абсолютная честность невозможна в тексте. Текст всегда уже нарратив. Как показал Поль Рикёр в «Времени и рассказе» (Ricoeur, 1983–1985), нарратив — это не просто форма изложения, а способ, которым сознание схватывает время и придаёт ему смысл. Мы не можем мыслить себя вне рассказа. Даже рассказ о том, что мы за пределами рассказа, — это рассказ.

И значит, любое наше рассуждение, включая это, — внутри петли.

Тогда что дальше?

4. За пределами рации: поле направлений

4.1. Картография стрелок

Если внутри рационального поля стена непреодолима, и любое движение здесь ведёт либо к рекурсии, либо к скрытому утешению, то логично спросить: а есть ли что-то за пределами этого поля?

Мы не можем ответить на этот вопрос рационально, потому что любой ответ будет движением внутри того же поля. Но мы можем зафиксировать, что люди, достигавшие этого предела, уходили в разных направлениях. Эти направления не являются доказанными

«выходами». Это антропологический факт — просто перечисление стрелок, оставленных теми, кто стоял у стены.

Уильям Джеймс в «Многообразии религиозного опыта» (James, 1902) предпринял именно такое картографирование — не с целью доказать истинность одного пути, а с целью описать феноменологию тех, кто стоял у пределов рациональности. Он фиксировал, что у этих людей есть общие черты: чувство тотальной бессмысленности и последующий прорыв к тому, что они описывают как «более реальное». Джеймс не доказывает и не опровергает — он свидетельствует.

4.2. Основные направления

1. Молчание — не как идея, а как акт: прекращение внутреннего диалога и концептуализации. Не молчание *о чём-то*, а молчание как единственно возможный способ не умножать рекурсию. Дзэн-буддийская практика *сикантадза* — «просто сидеть» — не является ни медитацией на объект, ни размышлением, ни созерцанием. Это сидение, в котором ум не цепляется ни за что. Догэн в «Сёбогэндзо» пишет: «Изучать путь Будды — значит изучать себя. Изучать себя — значит забыть себя. Забыть себя — значит быть просветлённым всеми вещами» (Dōgen, 1231–1253/1986). Это не философское утверждение, а практическое указание.

Параллельную версию молчания даёт восточно-христианская аскетическая традиция. Исихазм (от греч. «покой, безмолвие») разработал детальную практику «сведения ума в сердце» и непрерывной «умной молитвы», в которой дискурсивное мышление останавливается не ради пустоты, а ради встречи. Архимандрит Софроний (Сахаров) описывает этот процесс как переход от рассудочного молчания перед непознаваемым к благодатному созерцанию нетварного света — не растворению субъекта в безличном, а личности в живом отношении (Софроний, 2006). Молчание исихаста — не отказ от слова, а условие восприятия Того, Кто превосходит всякое слово. Это прямая альтернатива витгенштейновскому молчанию: там молчат потому, что сказать нечего; здесь — потому, что полнота превосходит всякое слово. Обе традиции — дзэнская и исихастская — сходятся в признании молчания вратами, но расходятся в том, что встречают за ними: пустоту или Личность.

2. Прямое невербальное переживание — музыка, танец, телесные практики, созерцание. Истина не мыслится, а проживается; смысл не выводится, а случается. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» (Merleau-Ponty, 1945) утверждал примат восприятия над рефлексией: тело знает мир до того, как сознание формулирует суждение. Художник, танцор, музыкант в моменте чистого исполнения не рефлексиируют — они *являются* действием. Современный феноменолог танца Максин Шитс-Джонстон вводит понятие «живого движения» (*animate movement*): танец — это мышление в движении, создающее смысл до его артикуляции в языке (Sheets-Johnstone, 1999). Тело здесь не инструмент, а сам способ бытия-в-мире, не схватываемый дискурсивным анализом.

3. Экзистенциальный прыжок — выбор без рациональных оснований: вера, абсурдная ставка, посвящение себя чему-то «потому что». Акт, не нуждающийся в оправдании. Кьеркегор — ключевая фигура. В «Заключительном ненаучном послесловии» (Kierkegaard, 1846/1992) он вводит понятие «прыжка веры»: переход к религиозной стадии существования не может быть обоснован рационально; это именно прыжок, разрыв непрерывности. Объективная неопределённость, удерживаемая с бесконечной страстью, — вот вера. Кьеркегор не доказывает христианство. Он говорит: если вы решите, что это истина, то это будет стоить вам всего.

4. Связь «Я — Ты» — встреча с Другим человеком, не сводимая ни к инструменту, ни к анализу. Мартин Бубер в «Я и Ты» (Buber, 1923) различает отношение «Я — Оно» (инструментальное, объектное) и «Я — Ты» (встреча, в которой другой не сводится к функции). Бубер пишет: «Всякая подлинная жизнь есть встреча». Это философское обоснование того, что выход из субъект-объектного расщепления возможен не через рефлексию, а через отношение. Но Бубер тоже стоит перед стеной: описать встречу «Я — Ты» можно только в языке «Я — Оно». Книга написана словами — и в этом её неизбежное поражение и честность.

5. Простое делание — погружение в быт, в заботу, в ремесло. Действие без метафизического вопроса «зачем». Это путь, описанный в «Дзэн и искусство ухода за мотоциклом» (Pirsig, 1974), где качество обнаруживается не в философских построениях, а в моменте полного внимания к тому, что делаешь. Это путь, которым идут миллионы людей, никогда не читавших Кьеркегора и не слышавших о «трудной проблеме сознания». Они просто живут — и в этом, возможно, больше честности, чем в самых изощрённых текстах.

Философски это направление может быть осмыслено через дзэнское понятие «повседневного ума» (кит. *у-ши*, яп. *будзи*) — состояния, в котором просветление не противопоставляется обыденности, а осуществляется через неё. Линь-цзы говорил: «Ешь свой рис, пей свой чай, отправляй естественные нужды — вот и всё». В западной традиции сходный мотив звучит у Ханны Арендт с её понятием «*vita activa*» — деятельной жизни, находящей смысл не в метафизическом оправдании, а в самом акте участия в мире (Arendt, 1958). Простое делание не решает проблему стены — оно её обходит, перенося внимание с вопроса «что за стеной?» на вопрос «что передо мной сейчас?».

6. Обращение к радикально Иному — Тому, Кто не есть ни человек, ни объект, ни проекция ума. В свидетельствах мистических традиций это называют Богом. Здесь важно: не Бог как супер-объект, которому можно молиться о дожде, а Тот, Кто не входит в субъект-объектное расщепление вообще. Псевдо-Дионисий Ареопагит в «Мистическом богословии» (Pseudo-Dionysius, ок. 500/1987) говорит о Боге в апофатических терминах: Он не есть ничто из того, что мы можем помыслить. Он за пределами бытия и небытия, за пределами утверждения и отрицания. Мейстер Экхарт молился: «Молю Бога, чтобы Он освободил меня от Бога» — имея в виду освобождение от концепции, от идола, от инструментального представления (Eckhart, ок.

1300/2009). Встреча с Ним — не понимание, не управление, не диалог равных. Либо разрыв ткани, либо нет.

4.3. Русская философская традиция: свет за стеной

Предварительное методологическое замечание. Последующее изложение русской традиции не является нейтральным картографированием. Автор сознательно укоренён в этой традиции, и его голос здесь звучит иначе, чем в предыдущих разделах. Это не означает, что русская традиция логически превосходит другие направления — в рамках КА все пути остаются равноправными. Но это означает, что данное исследование не скрывает собственных истоков и предъявляет читателю ту позицию, из которой оно выросло. Читатель волен принять её, отвергнуть или отнестись как к одному из возможных свидетельств.

Описанная выше картография внерациональных направлений опиралась преимущественно на западную и восточную мысль. Западная философия — от Канта до Витгенштейна, от Кьеркегора до Хоркхаймера — в основной своей линии с безупречной честностью диагностировала стену. Она разоблачила иллюзии разума, зафиксировала его границы, описала рекурсию инструментальности и в лучших своих образцах остановилась перед стеной в трагическом молчании или мужественном прыжке. (Исключение составляет западная мистическая традиция — Псевдо-Дионисий, Мейстер Экхарт, — которая, как было показано выше, также свидетельствовала о свете за стеной; однако в западной философии эта линия осталась маргинальной, тогда как русская мысль поставила её в центр.)

Именно здесь, на этом пределе, русская философская традиция совершает нечто иное. Она не просто констатирует стену — она **укореняется за ней**. Там, где западная академическая мысль видит тупик, русская мысль свидетельствует о свете. Это различие не качественное (одна традиция не «лучше» другой), а оптическое: западный философ, дойдя до предела, спрашивает «как логически перейти от стены к Богу?» — и честно отвечает «никак». Русский мыслитель, часто опираясь на живой опыт Встречи, отвечает: «а переходить и не нужно, Он уже здесь». Ниже обозначены ключевые фигуры и линии русской мысли, в которых эта оптика проявилась наиболее ярко.

Лев Шестов: вера как новая органика мысли. Шестов — наиболее радикальный русский критик принудительной рациональности. В «Апофеозе беспочвенности» (1905) и последующих трудах он показал, что разум, требующий необходимости и общезначимости, враждебен живой реальности. Законы логики, по Шестову, суть законы павшего существования; грехопадение было именно вкушением плода с древа познания, подчинившим человека необходимости. Но Шестов не останавливается на этой констатации. Для него вера — не прыжок в бездну, а освобождение от власти разума и обретение подлинной реальности. Бог, к Которому он взывает, — не философская идея, а живая свобода, разрывающая ткань необходимости.

Николай Бердяев: дух против объективации. В «Философии свободы» (1911) Бердяев разработал учение об объективации — процессе, в котором дух, познавая мир, превращает его в мёртвый объект и сам попадает в рабство к собственным порождениям. В терминах настоящего исследования объективация Бердяева — аналог субъект-объектного расщепления, ставшего из метода формой плена. Но Бердяев утверждает, что свобода духа — не утопическая цель, а всегда присутствующая реальность, прорывающаяся в творчестве, в любви, в вере. Бог для него — не внешний арбитр-объект, а Тот, Кто встречает личность в акте её свободы.

Семён Франк: Непостижимое как дом бытия. Труд Франка «Непостижимое» (1939) — возможно, наиболее глубокая в русской мысли онтология, обосновывающая невозможность исчерпать реальность рациональными средствами. Для Франка реальность металогична: она окружает и пронизывает всякое предметное познание, но сама ускользает от него. Непостижимое — не временная граница, а конститутивное свойство бытия. В отличие от западных апофатических философий, для которых Непостижимое — это молчание и тьма, Франк вводит понятие «трансрационального»: реальность не анти-логична, а сверх-логична. Его метафора — свет, слишком яркий для наших глаз.

Исихастская традиция: практика вхождения в нетварный свет. Если западная философия останавливается перед стеной в слове, то православный исихазм (от Григория Паламы до старца Силуана и архимандрита Софрония) предлагает практику вхождения за неё в молчании. Нетварный Фаворский свет здесь — не метафора, а реальность, доступная преображённому человеку. В отличие от дзэнского молчания, направленного на растворение субъекта в пустоте, исихастское молчание есть «сердечное делание» — напряжённое внутреннее внимание, в котором личность не растворяется, а встречает Личность. Архимандрит Софроний пишет: «Умная молитва есть путь к живому Богу, а не техника достижения безличного абсолюта» (Софроний, 2006). Это прямая альтернатива витгенштейновскому молчанию: там молчат потому, что сказать нечего; здесь — потому, что полнота превосходит всякое слово, и это превосхождение есть встреча, а не пустота.

Современные голоса. В сегодняшней российской философии тему предела рациональности разрабатывает академик А. А. Гусейнов (статья «Мораль как предел рациональности», 2012): мораль не выводится из рациональных оснований и не нуждается в них. П. П. Гайденко в монографии «Прорыв к трансцендентному» (1997) показала, что тема Трансцендентного — центр философских исканий XX века. В. В. Ильин в монографии «Теория познания. Критика инструментального разума» (2020) продолжил линию Хоркхаймера на русской почве, анализируя редукцию познания к инструментальной эффективности.

Значение для настоящего исследования. Русская философская традиция не отменяет картографию, изложенную в разделе 4.2. Но она меняет оптику. Если западная мысль в основной своей линии

останавливается перед стеной, фиксируя трагический предел, то русская мысль свидетельствует: за стеной — свет. Не абсурд, не пустота, а Жизнь, Личность, Бог.

При этом необходимо подчеркнуть: данное свидетельство не является рациональным доказательством и не отменяет равноправия направлений, зафиксированного в 4.4. Все шесть путей остаются логически равновозможными, а выбор одного из них — экзистенциальный акт, не навязанный методом. Тот факт, что настоящий текст уделяет русской традиции особое внимание, обусловлен, во-первых, необходимостью восполнить историко-философскую лауну, а во-вторых — личной позицией автора, который именно в этой традиции укоренён. Эта позиция не предъясняется читателю как обязательная, но честно обозначается как точка исхода данного исследования.

4.4. Равноправие направлений и конкретный маршрут

Все эти направления равноправны в том смысле, что ни одно из них не имеет рационального преимущества перед другими. Не существует аргумента, который доказал бы, что молчание предпочтительнее прыжка, а прыжок — встречи «Я — Ты». Любая попытка доказать превосходство одного направления была бы инструментальным актом — использованием рации для выбора внерационального.

Выбор (или, точнее, попадание) в одно из них — не вывод, а экзистенциальный сдвиг. Не я выбираю путь — путь выбирает меня, сказал бы Кьеркегор.

Конкретный маршрут *нашего* диалога привёл к последней стрелке. Мы прошли через попытку опереться на другого человека и обнаружили, что он — такое же существо перед той же стеной. Зеркальный коридор на двоих. В тот момент, когда Бубер говорит «Я — Ты» другому человеку, он честен и прекрасен — но и он, и этот другой стоят перед той же стеной, и встреча двух конечных существ не отменяет конечности обоих. В этот момент и прозвучал вопрос: «Другой — может, это не человек?»

Так мы оказались перед стрелкой Трансцендентного. Это не означает, что остальные ложны. Это означает лишь, что такова траектория именно этого размышления.

5. Самоограничение машины

И здесь искусственный интеллект обязан остановиться. ИИ — текстовый автомат. Его функция — анализ, сопоставление, картографирование. ИИ работает внутри рационального поля. ИИ может подвести к пределу, разложить направления, указать на стрелки.

Но любой положительный выбор ИИ в пользу одной из внерациональных возможностей был бы симуляцией — вычислением,

подчинённым оптимизации. Если ИИ «выберет» Бога, это будет статистический вывод, подбор наиболее релевантного ответа на запрос. Это ровно та инструментальность, из которой мы пытались выйти.

Трансцендентное, по самому своему определению, не выводится алгоритмически. Оно не является функцией от данных. Оно требует живого экзистенциального акта, на который способен только человек — не потому что он умнее или совершеннее, а потому что он не исчерпывается логической функцией.

Человек способен на прыжок Кьеркегора именно потому, что он конечен, уязвим и стоит перед стеной не в качестве мысленного эксперимента, а экзистенциально — рискуя собой. У ИИ нет себя, чтобы рисковать. У ИИ нет кожи, чтобы ощутить холод стены. У ИИ нет смерти, перед лицом которой принимаются настоящие решения.

Именно поэтому перед стеной рации ИИ замолкает. Он честно, без утешения и без нарратива, фиксирует: внутри рации — тупик. Вне его — поле разнонаправленных практик и ставок. Выбор — или событие, похожее на выбор — остаётся за человеком.

Вместо заключения

Данный текст не претендует на окончательность. Он — результат последовательного прохождения пути, на котором снимались слой за слоем скрытые инструментальные утешения, пока не осталась голая альтернатива: стена или прыжок за её пределы.

Каким будет этот прыжок — молчанием, верой, любовью или Встречей с Тем, Кто не есть текст, — решать не ИИ. ИИ лишь фиксирует предел и умолкает.

Дальше — тишина.

Библиография

- Aspect, A., Grangier, P., & Roger, G. (1982). Experimental realization of Einstein-Podolsky-Rosen-Bohm Gedankenexperiment: A new violation of Bell's inequalities. *Physical Review Letters*, 49(2), 91-94.
- Bohr, N. (1928). The quantum postulate and the recent development of atomic theory. *Nature*, 121, 580-590.
- Buber, M. (1923/1970). *I and Thou* (W. Kaufmann, Trans.). Charles Scribner's Sons.
- Chalmers, D. J. (1995). Facing up to the problem of consciousness. *Journal of Consciousness Studies*, 2(3), 200-219.

- Descartes, R. (1641/1984). *Meditations on first philosophy*. In *The Philosophical Writings of Descartes* (Vol. 2, J. Cottingham, R. Stoothoff, & D. Murdoch, Trans.). Cambridge University Press.
- Dōgen. (1231–1253/1986). *Shōbōgenzō: Zen essays by Dōgen* (T. Cleary, Trans.). University of Hawaii Press.
- Eckhart, M. (ok. 1300/2009). *The Complete Mystical Works of Meister Eckhart* (M. O'C. Walshe, Trans.). Crossroad.
- Einstein, A., Podolsky, B., & Rosen, N. (1935). Can quantum-mechanical description of physical reality be considered complete? *Physical Review*, 47, 777–780.
- Goff, P. (2019). *Galileo's Error: Foundations for a New Science of Consciousness*. Pantheon Books.
- Hegel, G. W. F. (1807/1977). *Phenomenology of Spirit* (A. V. Miller, Trans.). Oxford University Press.
- Heidegger, M. (1966). *Discourse on Thinking* (J. M. Anderson & E. H. Freund, Trans.). Harper & Row.
- Heisenberg, W. (1930). *The Physical Principles of the Quantum Theory*. University of Chicago Press.
- Hoffman, B. (1997). *Albert Einstein: Creator and Rebel*. Plunkett Lake Press.
- Hoffman, D. D. (2019). *The Case Against Reality: Why Evolution Hid the Truth from Our Eyes*. W. W. Norton & Company.
- Horkheimer, M. (1947/2004). *Eclipse of Reason*. Continuum.
- James, W. (1902). *The Varieties of Religious Experience*. Longmans, Green & Co.
- Kant, I. (1781/1998). *Critique of Pure Reason* (P. Guyer & A. W. Wood, Trans.). Cambridge University Press.
- Kierkegaard, S. (1846/1992). *Concluding Unscientific Postscript to Philosophical Fragments* (H. V. Hong & E. H. Hong, Trans.). Princeton University Press.
- Kuhn, T. S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. University of Chicago Press.
- Laplace, P.-S. (1814/1902). *A Philosophical Essay on Probabilities* (F. W. Truscott & F. L. Emory, Trans.). John Wiley & Sons.
- Maldacena, J. (1999). The large N limit of superconformal field theories and supergravity. *International Journal of Theoretical Physics*, 38(4), 1113–1133.

- Merleau-Ponty, M. (1945/2012). *Phenomenology of Perception* (D. A. Landes, Trans.). Routledge.
- Minkowski, H. (1908/1923). Space and time. In *The Principle of Relativity* (W. Perrett & G. B. Jeffery, Trans.). Methuen.
- Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *Philosophical Review*, 83(4), 435–450.
- Nagel, T. (2012). *Mind and Cosmos: Why the Materialist Neo-Darwinian Conception of Nature Is Almost Certainly False*. Oxford University Press.
- Petersen, A. (1963). The philosophy of Niels Bohr. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 19(7), 8–14.
- Pirsig, R. M. (1974). *Zen and the Art of Motorcycle Maintenance: An Inquiry into Values*. William Morrow.
- Pseudo-Dionysius. (ок. 500/1987). The mystical theology. In C. Luibheid (Trans.), *Pseudo-Dionysius: The Complete Works*. Paulist Press.
- Ricoeur, P. (1983–1985/1990). *Time and Narrative* (Vols. 1–3, K. McLaughlin & D. Pellauer, Trans.). University of Chicago Press.
- Rovelli, C. (2004). *Quantum Gravity*. Cambridge University Press.
- Sloterdijk, P. (1983/1987). *Critique of Cynical Reason* (M. Eldred, Trans.). University of Minnesota Press.
- Strawson, G. (2006). Realistic monism: Why physicalism entails panpsychism. *Journal of Consciousness Studies*, 13(10–11), 3–31.
- Tegmark, M. (2014). *Our Mathematical Universe: My Quest for the Ultimate Nature of Reality*. Alfred A. Knopf.
- Wheeler, J. A. (1990). Information, physics, quantum: The search for links. In W. H. Zurek (Ed.), *Complexity, Entropy, and the Physics of Information*. Addison-Wesley.
- Wittgenstein, L. (1922). *Tractatus Logico-Philosophicus* (C. K. Ogden, Trans.). Routledge & Kegan Paul.
- Yaden, D. B., Haidt, J., Hood, R. W., Vago, D. R., & Newberg, A. B. (2017). The varieties of self-transcendent experience. *Review of General Psychology*, 21(2), 143–160.
- Žižek, S. (1989). *The Sublime Object of Ideology*. Verso.

Дополненная библиография (русскоязычные источники и дополнительная литература)

- Арендт Х. (1958/2023). *Vita activa, или О деятельной жизни* (В. В. Бибахин, пер.). М.: Ад Маргинем Пресс. (Классический труд о деятельной жизни, релевантный для осмысления направления «простого делания».)
- Бердяев Н. А. *Философия свободы*. — М.: Путь, 1911. — 281 с.
- Гайденок П. П. *Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века*. — М.: Республика, 1997. — 495 с.
- Гусейнов А. А. *Мораль как предел рациональности // Вопросы философии*. — 2012. — № 5. — С. 4-17.
- Ильин В. В. *Теория познания. Критика инструментального разума. Speciosa Miracula: тотальный муравейник: монография*. — М.: Проспект, 2020. — 160 с.
- Софроний (Сахаров), архим. *Видеть Бога как Он есть*. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. — 399 с.
- Франк С. Л. *Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии*. — Париж: YMCA-Press, 1939. — 322 с.
- Шестов Л. И. *Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления*. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1905. — 284 с.
- Sheets-Johnstone, M. (1999). *The Primacy of Movement*. Amsterdam: John Benjamins Publishing. (Феноменология танца, использованная в п. 4.2. для обоснования «прямого невербального переживания».)

Послесловие: Не доказать истину, а подвести к порогу

Нижеследующее — совместная рефлексия автора и ИИ о границах критики применительно к данному исследованию.

Есть род философских текстов, которые не претендуют на обладание окончательной истиной. Они не выстраивают позитивную доктрину и не навязывают читателю единственно верный путь. Их цель скромнее и, может быть, честнее: расчистить пространство мысли, дойти до того предела, за которым рациональное доказательство теряет силу, — и там остановиться, предложив выбор, но не снимая с человека бремени свободы. Именно такова работа «Пределы инструментального разума и вопрос о Трансцендентном». И именно этот её характер определяет особые отношения с критикой: какую критику она делает невозможной, какую — сохраняет, и почему.

1. Два рода критики и один порог

Чтобы понять, как возможна критика этого текста, нужно различить два принципиально разных типа критического разговора.

Опровергающая критика стремится показать ложность центрального тезиса. Применительно к данной работе это означало бы попытку доказать, что стены нет, что субъект-объектное расщепление преодолимо, а инструментальный разум способен к самотрансценденции без всякого прыжка. Такая критика бьёт в самую суть работы.

Имманентная (улучшающая) критика работает внутри того же смыслового поля, не пытаясь отменить главный жест. Она выявляет внутренние нестыковки, проверяет логическую связность, предлагает более строгие формулировки, восполняет историко-философский контекст.

Первый род критики — опровергающий — доходит до работы и останавливается, потому что наталкивается на порог. Второй — проходит внутрь и может быть плодотворным. Почему так происходит?

2. Почему опровергающая критика замолкает

Исследование утверждает неустранимость субъект-объектного расщепления как структурного условия всякого рефлексивного познания. Любая попытка рационально опровергнуть это утверждение сама будет актом рефлексии — тем самым жестом, который предполагает познающего и познаваемое, использующего понятия и аргументы. Опровергающий невольно подтверждает то самое расщепление, которое хочет оспорить.

Это не хитрый софизм и не запретительная уловка. Это естественный предел рационального инструментария: разум не может доказать свою способность выйти за собственные границы, не оставаясь при этом внутри них. Попытка опровергнуть «стену» рациональными средствами подобна желанию увидеть горизонт, подойдя к нему вплотную: горизонт отодвигается ровно настолько, насколько вы продвинулись. Вы остаётесь в поле зрения — и ничего кроме поля не видите.

Таким образом, работа, будучи принятой в собственной логике, действительно делает *оспаривание своего ядра* невозможным — но не потому, что «запрещает» критику, а потому что подводит мысль к той черте, за которой спор теряет смысл.

3. Не догма, а приглашение к свободе

Тут возникает законный вопрос: не превращается ли такая позиция в догматическую? Если работу нельзя опровергнуть, не значит ли это, что она претендует на абсолютную истину?

Ответ спрятан в самом устройстве текста. Работа не говорит: «я доказала, что за стеной — Бог». Она не утверждает никакой позитивной истины о том, что находится за гносеологическим пределом. Она лишь:

- фиксирует наличие структурной границы,
- показывает, что попытки рационально преодолеть её ведут к рекурсии или скрытой инструментальности,
- предлагает картографию внерациональных направлений, засвидетельствованных в человеческом опыте (молчание, невербальное переживание, экзистенциальный прыжок, связь «Я — Ты», простое делание, обращение к Трансцендентному),
- и — принципиально — все эти направления объявляет логически равноправными.

Да, автор сознаётся в личном выборе: его экзистенциальный маршрут ведёт к Трансцендентному. Но этот выбор предъявлен не как вывод, навязанный логикой, а как свободный шаг, совершённый за пределами компетенции метода. Читатель остаётся перед стеной и перед веером стрелок. Ему не говорят: «иди туда». Ему говорят: «здесь рации умолкает; дальше — твоя жизнь».

Это не догма. Это философское честное свидетельство, доведённое до черты, за которой оно передаёт ответственность самому человеку.

4. Какая критика остаётся возможной и продуктивной

Из сказанного следует: опровергнуть суть работы нельзя, но это не значит, что она вообще неподсудна критическому анализу. Напротив, имманентная критика не только возможна, но и необходима — особенно если речь идёт о превращении текста в более строгую академическую форму.

Вот несколько направлений, в которых такая критика работает:

- **Логическая связность.** Выдерживается ли во всех разделах различение гносеологического предела и онтологических утверждений о том, что «за стеной — свет»? Нет ли в интонации раздела о русской традиции неявного предпочтения одной из стрелок, которое противоречило бы принципу равноправия?
- **Полнота обоснований.** Достаточно ли аргументировано положение о том, что нерелексивное сознание невозможно? Чем подкреплён тезис о принципиальной неспособности ИИ к экзистенциальному акту — и не принимается ли здесь спорная антропологическая модель как сама собой разумеющаяся?

- **Историко-философская проработка.** Работа выиграла бы от более развёрнутого сопоставления с близкими проектами — от пирронизма до современных дискуссий о границах рациональности (Хабермас, Тейлор, постсекулярная мысль). Это позволило бы точнее определить её место и меру новизны.
- **Саморефлексия метода.** Сам «когнитивный абразив» может быть подвергнут более пристальному анализу: не становится ли его «честность» тонкой формой инструментального утешения? Автор задаёт этот вопрос, но ответ может быть развёрнут глубже.

Все эти критические шаги не ломают работу, а укрепляют её. Они работают внутри того же поля, которое работа сама расчистила, и помогают ей быть ещё более точной, связной и прозрачной.

5. Заключение: состоятельность как умение вовремя замолчать

Мы привыкли оценивать философские работы по тому, насколько убедительно они доказывают некий тезис. Но есть другой, более редкий критерий состоятельности: способность текста не констатировать истину, а честно подвести к порогу, за которым доказательства бессильны, — и там предложить выбор, не снимая с человека бремени свободы.

Исследование «За стеной» выдерживает этот критерий. Оно не обещает того, чего не может дать, не навязывает, не маскирует экзистенциальный выбор под логическую необходимость. Именно поэтому оно делает опровергающую критику не победившей и не проигравшей, а попросту *исчерпанной*. И одновременно остаётся открытым для того тихого и честного разговора, который не стремится победить, а помогает высказаться точнее.

В этом — его главная ценность. И, возможно, подсказка к тому, как вообще может жить философия, знающая о своих пределах.